

23 ИЮЛЬ 1979.

ВЕЧЕРНЯЯ АЛМА-АТА

Гастроли Татарского государственного ордена Ленина
академического театра имени Галиасгара Камала

ЯЗЫК РОДНОЙ, ЗВУЧАЩИЙ ПО-НОВОМУ

Впечатления зрителя

С чувством гордого волнения переступаю порог Казахского драматического театра, носящего имя великого писателя и одного из первых казахских драматургов Мухтара Ауэзова, где выступают сейчас казанцы.

Побывать в театре — побывать в людях. В антрактах в фойе как бы образуются отдельные очаги самых противоречивых мнений. Возникают непринужденные контакты. Разве это уже само по себе не интересно?

Приведу один пример такой мимолетной «дискуссии» в первый вечер пятнадцатого июля на спектакле «Старик из деревни Алдермеш», на

которые фразы я даже записал для памяти на программе. Правда, разговор шел на татарском языке, но смысл его переводжу точно. «Сегодня конфликтовать с загробным миром? Кому это надо? В жизни ситуации бывают похуже встречи с чертом. Хочешь — играй комедию, не получается — переходи на трагедию».

Мне показалось, это уже после просмотра «Банкрота» Г. Камала и «Судьбы татарки» Г. Ибрагимова, что в приведенных мной высказываниях в фойе после первого действия, есть свое рациональное зерно.

Как я сужу об игре актеров? Обыкновенно,

по-зрительски: нравится — хорошо, нет — значит что-то не то. Мне всегда интересно ознакомиться с рецензиями, публикуемыми в газетах на те спектакли, которые удалось посмотреть. В них, конечно, есть всякое. Иногда для моих понятий о театре мудреное. Не гадаю, почему легкость неприятельных декораций, как я их про себя именую — «строительных», в спектакле «Старик из деревни Алдермеш» показалась мне близка по восприятию, но я благодарен художнику за то, что он сделал сцену «удобной» для моих малоскушенных в этом деле глаз. То же и режиссеру-постановщику, и

тому, кто написал музыку.

Однако я несколько отвлёкся от того, чем хотел поделиться. Вот я слышу родной язык. Более того, вижу близкие мне по крови (можно так выразиться) характеры. Причем одни картины живописуют сегодня, другие — день вчерашний.

И что же? Вроде бы, из подсознания всплывают сравнения. Мне не легко объяснить, откуда для меня извлекает театр имени Г. Камала, но мне виден «берег», на котором прошла юность моей матери, и то, на котором начиналось мое дело глаз. То же и режиссеру-постановщику, и

моей дочке, сыну, моему внуку. Чем вызвана эта иллюзия? Тут вроде бы все ясно: искусство театра умеет изображать жизнь пространственно. Но ведь театр — не просто фантазер. Он — исследователь жизни.

Так вот эта его «лаборатория» ныне мне видится во всех ее проявлениях, оснащенной всеми лучшими достижениями нашего реалистического искусства и асей советской культуры. За национальные черты камаловцев — я принимаю его с гордостью, но театр мыслит более широкими интернациональными, человеколюбивыми категориями. И здесь он для меня трибуна, школа познания «законов» наше-

го духовного обогащения.

Мы, конечно, идем смотреть спектакли, а не слушать лекции. А впрочем, лекция лекции рознь. Театр тоже по-своему лектор, только у него арсенал доказательств того, как надо или не надо жить, неизмеримо оснащенной. Обращаясь к разуму, театр берет еще и за душу. Такого мое мнение.

Мы идем на игру любимых актеров. И нам не безразлично, кто испол-

нит ту или иную роль сегодня.

Играет Вера Минкина — значит что-то будет для тебя открыто удивительное, необычное. Уж если злость — так это будет особая злость во имя (просто дышу давясь, как такое получается) ее искоренения, а если сияние добра, то для того, чтобы оно торжествовало во всем, всюду, в каждом сердце.

Шаукат Биктимиров, Идаят Султанов, Наилия Гараева — актеры старшего звена камаловской сцены, и те, кто идет за ними, — все они из народа, и искусство их народно.

За радость встречи, за узнавание того, что мечтал встретить и за новые открытия для себя, спасибо театру из Казани.

Рашиль БАГАПОВ,

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля, «Кул Али» Нуриха Фаттаха.